

Стихи о любви

Николай
Добронравов

★
Птица счастья

Николай Николаевич Добронравов

Птица счастья

Серия «Стихи о любви (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49217278

Птица счастья. Стихи: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-116725-7

Аннотация

Кто не знает песен «Как молоды мы были», «Я не могу иначе...», «Надежда», «Птица счастья», «Мелодия», «Беловежская пуца», «Русский вальс»!..

Песни на стихи Николая Добронравова поют по всему миру. Их сделали знаменитыми Муслим Магомаев, Майя Кристалинская, Анна Герман, Валентина Толкунова, Иосиф Кобзон, Лев Лещенко... и конечно, музыка Александры Пахмутовой.

Не одно поколение людей выросло на стихах поэта. Сегодня его строчки часто цитируют, даже не задумываясь, кто их автор. Он давно стал любимым и истинно народным поэтом.

Книга включила в себя известные и полюбившиеся читателю стихотворения о любви, о дружбе, о жизни. Они отразили разные вехи истории нашей страны прошлого столетия и настоящего.

Содержание

Еще жива родная сторона	6
Время	7
Зачарованная даль	8
Родная сторона	9
Меж Арбатом и Тверской	12
«Я не плыл по Венеции в венценосной гондоле...»	18
Русский вальс	20
Экскурсовод	22
«Встречаю рассветы, встречаю закаты...»	23
Звезды	25
«Ах, как элегантен язык наш певучий!..»	27
«Ты теряешь, родная, последние силы...»	28
«Мы все – как деревья с опавшей листвою...»	30
Поместья	32
Подземка	33
Глаза России	35
Об изменении названий	37
«Не нынче. Не вчера. Во время оно...»	38
Уехали	40
Остаюсь	42
Подмосковье	44
На перевале	46

Горькая моя Родина	48
Еще поют в России соловьи	50
«Я вновь аккорд возвышенный беру...»	52
Золотая ты моя, золотая	55
Мелодия	56
«Почитай мне стихи...»	58
Дикая собака Динго	59
Девочка Грёза	61
Влюбленная Весна	63
Имя твое	65
«Роднее родных нас нужда воспитала...»	67
«Я земной календарь поправлю...»	69
Летнее утро	72
Нам не жить друг без друга	74
«Премьера большого спектакля...»	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

**Николай Николаевич
Добронравов
Птица счастья
Стихи**

*Мы - дети самой преданной любви.
Её никто отныне не отнимет.
Ещё поют в Ровени соловьи, -
И, знаешь, песня землю не покинет!*

Еще жива родная сторона

Время

Времени нечеткий негатив.
Но Пегас по-прежнему ретив.
Люди на свету или впотьмах, —
время проявляется в стихах.
Наши боль, и мужество, и страх, —
время выражается в стихах.
Велика поэтами Россия.
Велика поэтому Россия.

Зачарованная даль

Нас осталось так немного.
Нас еще томит печаль.
Заповедная дорога,
Зачарованная даль...

Здесь до боли все знакомо.
Здесь родные берега.
И ведет дорога к дому
Сквозь невзгоды и века...

У родимого порога
Снова вишни зацветут...
Здесь все лучшее от Бога.
Здесь меня, как Бога, ждут.

Снова музыка воскреснет.
Оживет лесной рояль...
И воскреснет наша песня —
Зачарованная даль.

Дом родной – края лесные.
Путь домой – и свет, и грусть...
Заповедная Россия,
Зачарованная Русь.

Родная сторона

Здесь, как и встарь, – фасады в три окна...

На всех оконцах – ставеньки резные.

А на опушке

ягоды лесные.

Еще жива родная сторона.

Над крышами – сиреневый дымок.

У палисада

юные березы.

А ранним утром так прозрачны росы...

И небосвод по-прежнему высок.

Еще слышны здесь птичьи голоса.

Еще бууренка топчется на взгорье.

И кур крадет

из ближнего подворья

из леса забежавшая лиса.

Но сколько здесь уродливых пеньков!

Беспутной жизни множество отметин...

Ручной пилой отрезаны столетья

от нынешних компьютерных годов.

Перевелись и редкие стада.

Стареют и оставшиеся козы.

Разогнаны колхозы и совхозы,
и заплясала в поле лебеда!

Уже подгнили лодки у реки.
В седых сараях притупились косы.
Уже невнятный голос тепловоза
все хуже слышат наши старики.

Не то чтоб нынче бесполезен труд,
а просто здесь

крестьянину не светит...

Рванувшие на заработки дети
уже подарков предкам не несут.
Они в недалеком городе живут.
Претит им быт бессмысленный и древний...

Они все точно знают про деревню:
Там не везет!

И внуков не везут.

...Но есть один оставшийся родник
в лесу.

В глуши.

И все ему нейдет.

Он, словно сердце слабенькое, бьется,
он к факту вырождения не привык.

Земля людей оттуда не видна.
Он просто дышит воздухом и волей.
Он хочет к свету вырваться —

не боле...

Еще жива родная сторона?

Меж Арбатом и Тверской

Путь земной мой только начат.
Жизнь пока что налегке.
От площадки от Собачьей
жили мы невдалеке.

Двор наш узок был и гулок.
Подворотен волшебство.
Трубниковский переулок —
гавань детства моего.

В той эпохе домуслимовой,
в страшный год тридцать восьмой
возле лавки керосиновой
я стоял на Поварской.

И с наполненным бидончиком
я домой к себе бежал,
в кухню, к примусу с поддончиком,
в свой родной полуподвал.

Рядом был Союз писателей,
тут он был, на Поварской.
И тогда уже не ладили
гении между собой.

Молодые все, да ранние...
Был Корней еще не стар.
И просящий подаюния
чуть подвыпивший Гайдар.

А когда бежал из школы,
как всегда – к себе в подвал,
дядю Степу Михалкова
на углу я повстречал.

И чуть-чуть уже кумекая,
пристрастившийся читать,
прибегал в библиотеку я
с другом
книги выбирать.

Мы любимся обложками.
Постигаем Имена.
Всех путевыми дорожками
нас вела Читай-страна.

После школы были вузы.
Даже два. Театр. Эфир.
Я в юнцах на сцене ТЮЗа
был хорош вполне и мил...

Много ль надо человеку,
что в те годы возникал?
Я свою библиотеку

по крупицам собирал.

С детства рифмой звонкой ранен,
собирал не все подряд.
Блок, Крученых, Северянин
до сих пор в шкафу стоят.

И все чаще в эту пору
те стихи я вспоминал,
что в трамваях, в коридорах
между делом сочинял.

Но в начале литработы
стал я сразу понимать:
стих – забава.

Надо что-то
посерьезней сочинять.

К нашей пьесе самой первой
долго шли с Сережей мы.
Наконец, сбылась премьера
с режиссером Деммени.

Это было в Ленинграде.
А в Москве
уже потом
стали пьесы наши ставить
в каждом клубе городском.

Я к писательству де юре
был тогда еще в пути.
Был тогда в литературе,
как в театре – травести.

Правда, книги издавались —
проза, сказки для детей.
А стихи... Те оставались
страстью тайною моей.

Ах, тогда, в шестидесятых,
моден был нелегкий труд.
Сколько фильмов было снято
тех, что до сих пор живут.

Сколько песен было спето
тех, что в сердце мы храним.
Был лучом любви и света
ослепительный Муслим!

Я как будто бы очнулся.
Мир открылся мне иной...
Робко к песне прикоснулся,
к песне детской, озорной.

Оказался не статистом
я на песенной стезе.
Стал поэтом и артистом

я в те годы в ДЗЗе¹.

Появлялся в альманахах...
Первый сборник... И второй...
Стал входить почти без страха
я в СП на Поварской.

На судьбу свою не сетовал,
среди великих – не изгой.
Как внимательно беседовал
Юрий Трифонов со мной!

Здесь встречался я с элитой.
И меня без лишних слов
привечали знаменитые
Смеляков, Гамзатов, Львов!

Ах, с годами все отчетливей
свет и тени прошлых лет!
Громы-звоны не умолкли
поражений и побед.

Пусть за дальними широтами
необъятная земля,
за Никитскими воротами
состоялась жизнь моя.

Пусть изъезжено немало,

¹ Дом звукозаписи. – *Примеч. авт.*

но они навек со мной —
эти несколько кварталов
меж Арбатом и Тверской.

Этот малый круг московский —
центр земли в моей судьбе.
Переулок Трубниковский,
низко кланяюсь тебе!

Годы детства. Песни ранние.
Все я в сердце берегу.
...Снова с площади Восстания
я с бидончиком бегу.

Но в эпохе постмуслимовой
на родной, на Поварской
нету лавки керосиновой
и СП – полупустой...

Жизнь повсюду стала круче.
В ЦДЛ одна беда:
рестораны стали лучше,
книги хуже, чем еда.

«Я не плыл по Венеции в венценосной гондоле...»

Я не плыл по Венеции в венценосной гондоле.
И салонно в Салониках я в порту не скучал.
Ранним Римом раним я. И Боливией болен.
И гостиница в Ницце снится мне по ночам.
В наше время парижи и доступней и ближе,
сто туристских круизов разгоняют печаль.
Что поделаешь, – жаль, что я не был в Париже,
что, полжизни прожив, не видал Этуаль,
что индейца с мачете я не встречу под вечер,
не впишусь элегантно в экзотичный экспресс
где-нибудь в Эльдorado, что со мной не щебечут
на борту «Каравеллы» королевы небес.

...Зато я помню первые бомбежки,
как шли мы парами с учителем в подвал,
и корешок мой – Щепетов Сережка —
мне полкусочка черного отдал.
Что говорить: «Я это не забуду!» —
и стоит ли те беды ворошить...
Но это все не выдумка, не чудо,
а чудо то, что мы остались жить,
что мирным небом с той поры мы дышим,
что сильный вправе забывать о зле.

А тот солдат, что спас Россию,
выше
всех Триумфальных арок на земле...

Русский вальс

Песня-печаль. Дальняя даль.
Лица людей простые...
Вера моя, совесть моя,
Песня моя – Россия.
Время дает горестный бал
В Зимнем дворце тоски.
Я прохожу в мраморный зал
Белой твоей пурги.

Жизнь моя – Русь. Горе и грусть.
Звезды твои седые...
Издаেকে я возвращусь
Песней твоей, Россия.
Все позабыв и не скорбя,
Можно прожить вдали...
Но без тебя, но без тебя
Нет у меня любви.

Вешних лугов, праведных слов
Буду беречь ростки я.
Вера моя, удадь моя,
Песня моя – Россия.
Время дает горестный бал
В Зимнем дворце тоски.
Я прохожу в мраморный зал

Белой твоей пурги.

Русский вальс – трепетный круг солнца и выюг.

Милый друг, вот и прошли годы разлук...

Милый друг, вот и пришли годы любви...

Русский вальс, нашу любовь благослови!

Экскурсовод

В городе Кириллове, там, за Белым озером,
где из тьмы истории Родина встает,
смысл поэмы каменной сообщает в прозе нам
тоненькая девочка – наш экскурсовод.

Подкупает речь ее не умом – сердечностью.
Нас проводит девочка и уходит в ночь,
добрая от Родины, от общенья с вечностью,
тихая в бессилии прошлому помочь, —

этим фрескам радужным, гибнущим от сырости,
той стене порушенной, что была крепка.

Строил это празднество зодчий

Божьей милостью

в те века, где строили храмы на века.

Двор, забитый мусором. Пруд, заросший ряскою.

Беглыми туристами разрисован скит.

Тоненькая девочка с тоненькой указкою,
словно образ Родины, сердце мне щемит...

«Встречаю рассветы, встречаю закаты...»

Встречаю рассветы, встречаю закаты,
как самые светлые Божьи дары.
Дыханием вечности небо объято,
и нас еще терпят иные миры.

Читаю рассветы, читаю закаты
в священном писанье российской земли,
где главы увили виньетки пернатых,
листки манускриптов – в дорожной пыли.

Листаю рассветы, листаю закаты,
листаю овраги, луга и леса.
Лишь это одно – непреложно и свято.
Лишь это – извечная наша краса.

И мы выбираем себе Геростратов.
И наши вожди в нашей русской глуши
сжигали рассветы, сжигали закаты
наивной доверчивой нашей души.

Простите рассветы, простите закаты
за злые деянья ничтожных людей,
за все бесконечные наши растраты

природных богатств и небесных идей.

Звезды

Звезды над планетой.

Над Россией.

Звезды Вифлеема.

Дар волхвов...

Звезды человечеству светили
столько лет бессвязных и веков.

Серебром и золотом, и медью
светятся над нами в час ночной
вечные холодные созвездья,
нашей не встревожены судьбой.

В них еще живут воспоминанья,
как на землю русичи пришли,
как волну нашествий и страданья
прадеды мои перенесли.

Звезды знают:

в мире у народа,
как земля, вращается судьба.

Воля.

Рабство.

И полусвобода.

Радость.

Всенародная беда.

«Ах, как элегантен язык наш певучий!..»

Ах, как элегантен язык ваш певучий!
О, как необычна гортанная речь!
Не выберешь в мире язык самый лучший,
но каждую речь надо свято беречь.

Все больше на шаре земном полиглотов.
Все легче становится нам разглядеть
и тонкости речи различных народов,
и самых различных словес круговерть.

Вот этот язык – он такой безмятежный,
как будто здесь жизнь без забот и затей.

А этот – заумный,

а этот – небрежный,

а это – язык для бездушных идей.

Английский – в фаворе. Он четок и гладок.

Испанская речь до чего ж хороша!

В китайских словах – миллионы загадок.

И только у русского слова – душа.

«Ты теряешь, родная, последние силы...»

Ты теряешь, родная, последние силы.
Мы уже не спасем тебя. Не укрепим.
Мы пришли попрощаться с тобою, Россия,
с бледным небом твоим, с черным хлебом твоим.

Мы не будем стремиться к богатым соседям.
Не прожить нам без ласки слезящихся глаз...
Никуда не уйдем. Никуда не уедем.
Ты сама потихоньку уходишь от нас.

Мы стоим пред тобой в современных одеждах, —
космонавты и братья мои во Христе.
Ты была нашим предкам столпом и надежей.
В мире не было равных твоей широте.

Ты была, наша мать, небогатой и честной.
И не зря же ты в муках на свет родила
знаменитых царей и героев безвестных,
и неслась в новый мир, закусив удила.

Так за что же тебе выпадали мученья?
Зарубежный альков и щедрей и теплей...
Очень страшно семье,

если нет продолженья.
У России почти не осталось детей...

Свиньи чавкают, в храм водрузивши корыто.
И рыдают солдатки у афганской черты.
Васильковое небо зарыто, закрыто
черным облаком смога, свинца, клеветы.

Так чего же мы ждем?

Для чего мы хлопочем?

И зачем по инерции смотрим вперед?

Ты прислушайся:

мы пустотою грохочем.

Присмотрись:

вместо поезда выюга идет.

...Вот мы все собрались на последней платформе.
Осквернен наш язык... Уничтожен наш труд.
Только там, под землю, останутся корни.
Может быть, сквозь столетья они прорастут.

«Мы все – как деревья с опавшей листвою...»

Мы все – как деревья с опавшей листвою.
Печать нынче хуже и бомб, и свинца...
Убили повторно Гастелло и Зою.
Народ без героя. Страна без лица.

На трассе ухабистой нет разворотов.
Сужается нашей судьбы коридор.
На кладбище бывших советских заводов —
сплошная разруха. Позор и разор.

Лишили учащихся зренья и слуха.
Лишили рабочего права на труд.
В верхах – показуха.
В эфире – чернуха.
Порнуха – рекламный коммерческий блуд.

В лампаде огонь благодатный погашен.
Забыли Иисуса и Бога-отца.
Забыли великих подвижников наших.
Народ без героя. Страна без лица.

От злата и зла сберегал нас Спаситель.
Конечно, мы жили с грехом пополам...

Но все ж, если Русь – нашей веры обитель,
Зачем мы пустили торгующих в храм?

Любовь бескорыстная переродилась.
Любовью к наживе разбиты сердца.
Сдались мы тельцу золотому на милость.
Народ без героя. Страна без лица.

Мы, словно шахтеры, застрявшие в клети.
Угрозы убийц. Нескончаемый страх.
Надежда осталась в ушедшем столетье.
Осталась порядочность в прошлых веках...

Живем не трудом, а всеобщим обманом.
Промозглым туманам не видно конца...
Толпимся в своем общежитии странном.
Народ без героя. Страна без лица.

Сердцам опустевшим и чувствам бездомным
уже не вернуть наших предков купель.
Кроим свою жизнь по заморским фасонам.
Накрыла Россию чужая метель.

Ни песен своих, ни друзей не осталось.
Случайные связи, и брак без венца...
Какая инертность! Какая усталость!
Народ без героя. Страна без лица.

Поместья

Страсть к высоте у нас неудержима.
Сдавались людям пики гордых гор.

А ныне

в буднях нового режима
пик высоты – воздвигнутый забор.

Растут поместья на родных просторах.

Ограда до небес вознесена.

Такие понастроили заборы —
куда тебе кремлевская стена!

Не видны даже царственные крыши.

Заборы утверждают твой успех.

А кто по иерархии повыше —
себе ограду ставит выше всех!

Поместья...

Наступленья на природу.

Круши,

руби под корень

и сноси!

Грядет дебилизация народа.

Идет заборизация Руси.

Подземка

Три машины ГАИ. Спецсигналы,
что бомбят перепонки ушей...

Привилегий, все кажется, мало
для влиятельных наших мужей:

«Мерседес»,

а не старая «Эмка»,

проблесковый маяк, —

не ведро...

А метро превратилось в «подземку».

Превратили в подземку метро.

То метро важным рылам обрыдло.

Спецохрана для спецколымаг.

А «подземка» осталась для быдла,

для все новых бомжей да трудяг.

...Я-то помню открытие станций,
голубого экспреса разгон.

Те колонны, слепящие глянцем,

и во время войны, и потом.

Дети были одними из первых,

кто, как нового счастья гонцы,

мчались не во Дворец пионеров,

а в подземные эти дворцы.

Мы влюблялись в метро не напрасно, —

там судьба от бомбежек спасла.

Наша первая
встреча с прекрасным
в этом мраморном царстве прошла.

Жизнь низвергнуть до адского круга
наши власти сумели хитро.
Унижали культуру, науку
и унизили даже метро!
Обозвали подземкой.

И ныне
Здесь идет криминальный парад.
Здесь воруют.

В удушливом дыме
здесь подземные взрывы гремят.
Перестройки и переоценки
полной мерой извели мы.
И сегодняшним
детям подземки
уж не вырваться к солнцу из тьмы.

Глаза России

Все дети на планете божественно прекрасны.
Родятся наши дети без хитрости и зла.
И будущее кажется безоблачным и ясным,
и кажется дорога привольна и светла...

Над ними, малышами, склоняется Россия,
их Родина, их счастье, надежда и краса.
И смотрят на младенца небесно-голубые
прекрасные родные славянские глаза.

Была ли ты, Россия,
 всегда такой счастливой?
Не ведаю – не знаю. Ответить не берусь.
Но знаю, что старалась
 всегда быть справедливой,
моя голубоглазая застенчивая Русь.

Я рос в войну великую, когда людей косила
нелепая и страшная военная гроза.
И я тогда впервые взглянул в глаза России,
внезапно потемневшие и гневные глаза.

Все было в этом взгляде:
 страны
 несокрушимость,

тяжелые ранения, страдания и боль.
Была во взгляде этом победная решимость,
святая, материнская великая любовь.

...А позже мы увидели
 (ах, лучше бы приснилось!),
как рушилась и падала великая страна,
как дьявольскому пиршеству страна
 сдалась на милость.
Лицо свое теряла безропотно она.

А ведь еще недавно казалось нашим предкам,
что будет все прекрасней ее житье-бытье,
 что солнце не погаснет, что страх Руси
 неведом.

Тогда и мы поверили в бессмертие ее.

Ошиблись древнерусские великие пророки,
и старцев-предсказателей умолкли голоса...
Сегодня у России бесцельные дороги,
безвольные, пустые, бесцветные глаза.

Об изменении названий

Когда-нибудь эти расколятся воры...

Все высказать сам я не премину,

как наши деляги

и наши «партнеры»

изготавливали другую страну.

С высоких позиций нас нынче сместили.

Страна наших предков давно уж не наша.

Веками была величавой

Россия.

Теперь прозябает какая-то

раша.

«Не нынче. Не вчера. Во время оно...»

Не нынче.

Не вчера.

Во время оно,
в эпоху просто мирного труда.
Когда спокойно жили миллионы,
случилась настоящая беда.

Не урки и не уличные банды,
а враз по наущенью сатаны
построилась великая команда —
команда разрушителей страны.

Взялись они восторженно за дело.
Резвились, как мартышки в шапито...
Такого, как в России, беспредела,
воистину не видывал никто.

Разрушили колхозы и заводы,
прикрыли все неслабые НИИ.
Сумели все талантливые всходы
намеренно стереть с лица земли.

А новые земельные монархи

сгноили пашню и сгубили целину.
Бандиты, по прозванию – олигархи,
спокойно прикарманили страну.

О, сколько нас, к разбою непригодных,
чужими стали в городах своих...
И бродят, бродят толпы безработных
на пепелищах наших заводских.

С нас требуются взятки и откаты.
Мы – пленники коммерческих страстей.
Мы терпим издевательства богатых.
Прощаем равнодушие властей.

Мы – чемпионы по долготерпенью.
И вновь по указанию сатаны
построился отряд уничтоженья
уже полуразрушенной страны.

Уехали

Здесь все теперь по-новому,
все нынче не по-нашему,
с всеобщей безработицей,
с постыдными утехами.

Былые одноклассники,
родные однокашники,
уехали. Уехали. Уе-ха-ли!

Быть может, ради рейтинга,
а может, ради деточек,
со зла ли на правительство,
добра ли ради, смеха ли...

Седые академики,
науки нашей светочи,
уехали. Уехали. Уе-ха-ли!

Ну что ж... Грустить не надобно.

Бог с ними, с эмигрантами,
порвавшими с Отчинойю,
с несчастьями здешними.

Зачем им тут общение
с погибшими талантами?

Важнее там знакомство
с делягами успешными.

Обидно, что уехали
они с такими рисками
в страну традиций благостных,
среди которых главная —
вражда к всему славянскому
и ко всему российскому,
к соборной нашей родине,
к народу православному.

Остаюсь

Вот пришло письмо издалека,
Где живут богато и свободно...
Пусть судьба страны моей горька, —
Остаюсь с обманутым народом.
Пусть судьба печальна и горька...

Мы – изгой в собственной стране.
Не пойдем: Кто мы? Откуда родом?
Друг далекий, вспомни обо мне, —
Остаюсь с обманутым народом.
Друг далекий, вспомни обо мне...
Слышен звон чужих монастырей.

Снова мы себя переиначим.
На обломках Родины моей
Вместе соберемся и поплачем.
На обломках Родины моей...

Мы еще от жизни не ушли.
Свет берез не весь еще распродан.
И вернутся снова журавли.
Остаюсь с обманутым народом.
И вернутся снова журавли...

Не зови в дорогу, не зови.

Верой мы сильны, а не исходом.
Не моли о счастье и любви, —
Остаюсь с обманутым народом.
Не зови в дорогу, не зови...

Подмосковье

Какая здесь родная красота!
И шепот трав, и птички переклички...
Дождями теплыми омытая листва.
Летающие сквозь время электрички.

Я помню тот послевоенный день,
как даже мы, мальчишки, были рады,
когда в кругу российских деревень
вставали под Москвой наукограды.

А покоренье первых звездных трасс
сравнимо только с первой любовью.
Дорога к дальним звездам началась
в моем родном недалёком Подмосковье.

Теперь – увы! В фаворе сорняки.
И я молю, чтоб хоть у нас в округе
роскошные дворцы-особняки
не заслонили б хижины науки!

Пусть побеждает не сорняк, а труд
во имя жизни и всего святого.
Пусть и друзья и недруги поймут,
что к новым взлетам Родина готова!

Пусть к нам придут и свет, и волшебство,
и теплый дождь, и птичьи переклички,
и мимо окон детства моего
в грядущий день несутся электрички!

На перевале

Мы знали Россию в годину лихую.
Застали страну в ее каторжный срок —
голодную, нищую, полуживую
Россию, которой никто не помог.

И мы не рванули в далекие страны.
Мы вынесли все. Мы сумели, смогли
очистить от скверны и вылечить раны,
кровавые раны российской земли...

Врачуют недуг не спеша, терпеливо,
по крохам зарю вызволяют из тьмы...
О, как мы хотели увидеть счастливой
Россию, в которую верили мы!

Колеса истории забуксовали.
Казалось, мы все под колеса легли...
И вот мы увидели
на перевале
Россию, которую мы сберегли.

Но снова – печали от края до края.
И снова солдаты домой не пришли.
Не плачь, умоляю,
не плачь, дорогая,

Россия, которую мы сберегли...

Серебряный луч засверкает в тумане,
И крест золотой воссияет вдали...

Очнувшись от горя,
 восстанет, воспрянет
Россия, которую мы сберегли!

Судьба с терпеливою паствою дружит
и с тем, кто не предал сыновней любви.
Еще нашим внукам и Богу послужит
Россия, которую мы сберегли.

И снова к нам, грешным, сойдет вдохновенье.
Ты станешь зарей и надеждой земли...
Отпразднуем вместе твое воскресенье,
Россия, которую мы сберегли.

Творец не для Ирода родину создал.
Воскреснет Россия во имя любви.
Вот только бы кто-нибудь
 снова не продал
Россию, которую мы сберегли...

Горькая моя Родина

Горькая моя родина,
Ты и боль моя, и судьба.
Вновь кружит непогодина...
Только мы одни у тебя.

Так близка мне твоя
Даль далекая,
Ты Россия моя
Одинокая.
Облака над тобой
Невесенние.
Но я верю в любовь
И спасение.

Горькая моя родина,
Как тебя не звать, не любить...
Пусть судьба не устроена, —
Надо веровать, надо жить!

Соловей, голоси!
Все мне чудится,
Что крещенье Руси
Снова сбудется.
Еще русская речь
Не задушена.

Еще сможем сберечь
Слово Пушкина.

Горькая моя родина...
Нет, нельзя тебя разлюбить...
Пусть гудит непогодина,
Будем веровать, будем жить!

Не осилит меня
Сила черная.
Вся страна мне родня —
Русь соборная.
Так близка мне твоя
Даль далекая.
Ты Россия моя
Синеокая...

Еще поют в России соловьи

Еще поют в России соловьи.
Еще душа в смятенье не остыла.
Мы в эти годы горькие смогли
Спасти все то, что дорого и мило.
Еще поют в России соловьи.

Мы часто шли судьбе наперекор.
В своих мечтах и в людях ошибались.
Мы, словно дети, верили в добро —
И столько раз надежды не сбывались!

Поверь, что годы тяжкие прошли,
что на пожарах накричался кочет.
Еще поют в России соловьи.
Еще весну отечеству пророчат.
Еще поют в России соловьи.

Ворвется в сердце солнечный прибой,
Повеет ветер ласковых акаций...
Еще опять мы встретимся с тобой.
Чтоб больше никогда не расставаться!

Мы – дети самой преданной любви.
Ее никто отныне не отнимет.
Еще поют в России соловьи, —

И значит, песня землю не покинет!

Еще поют в России соловьи.

«Я вновь аккорд возвышенный беру...»

Я вновь аккорд возвышенный беру...

Почти весь мир с тобой исколесили,
и все же нет воистину

в миру

милее нашей матушки – России...

Ее войною выжженных полей,
ее сомнений и деяний нервных.

Как я любил своих учителей,
своих друзей и верных, и не верных!

Я знал триумф актеров – алкашей,
стихи и слезы пьяного поэта.

Их души уникальны,

как музей

извечно сраженья тьмы и света.

Мне даже зэки были как родня.

Но как меня муздычили коллеги,
как с упоеньем мучили меня

за слово доброе о русском человеке!

На мне давно поставлено тавро.

Мол, примитивен.

Прост.

Не современен.

Мол, не поэт,

а песенник.

Зеро.

В фаворе ныне Бродский, не Есенин.

Я предан был несчастным и родным,
расстрелянным и на войне убитым.

Я посвящал стихи свои —

своим

героям

и совсем не знаменитым.

Нет, с них икон я вовсе не писал.

Я их в работе видел, видел в деле.

Я их в миру с натуры рисовал,
чтобы другие их не проглядели.

Теперь для многих стран,

да и для нас

иконостас — семья Евросоюза.

И все ж семейка та не поднялась

до бывшего, до нашего Союза,

где все же был союз между людьми,

где был порыв космический неистов,

где были мы честны

перед детьми, —

не пестовали новеньких нацистов,

где люди знали правду о войне,

в стихах и песнях бережно хранимой,

где верилось несбыточной весне

в стране хоть разношерстной,

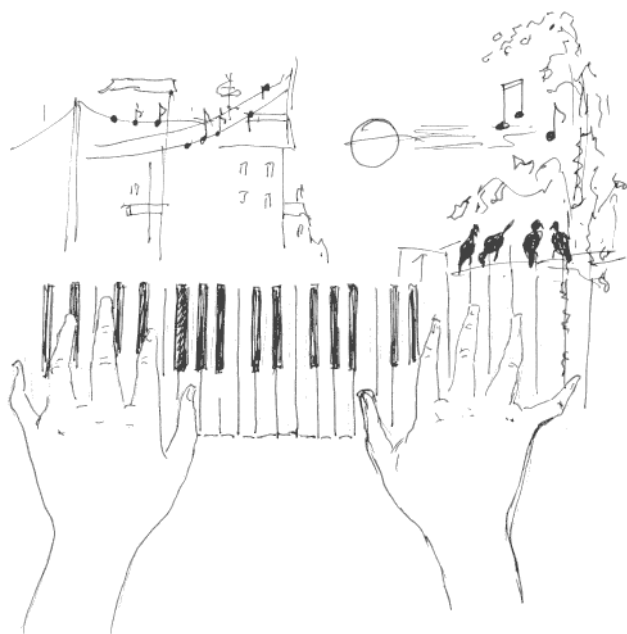
но единой.

Нас не прошиб пока Евроозноб.

Мы все, как встарь, равны.

Как прежде, вместе
читаем вновь Айтматова захлеб,
поем навзрыд украинские песни.

Золотая ты моя, золотая

Мелодия

Ты моя мелодия,
Я твой преданный Орфей...
Дни, что нами пройдены,
Помнят свет нежности твоей.

Все как дым растаяло,
Голос твой теряется вдали...
Что тебя заставило
Забыть мелодию любви?

Ты мое сомнение,
Тайна долгого пути...
Сквозь дожди осенние
Слышу я горькое «прости».

Зорь прощальных зарево,
Голос твой теряется вдали...
Что тебя заставило
Предать мелодию любви?

Ты мое призвание,
Песня, ставшая судьбой.
Боль забвенья раннего
Знал Орфей, преданный тобой.

Стань моей вселенною,
Смолкнувшие струны оживи...
Сердцу вдохновенному
Верни мелодию любви!

«Почитай мне стихи...»

Почитай мне стихи —

буду слушать твой голос негромкий...

В эту зимнюю ночь

я открою ворота весне.

Почитай мне стихи

о далекой, как сон, незнакомке.

Почитай мне стихи

о пленившей Шираз Шаганэ.

Нас к холодным огням

зывают электрогитары,

всё насыщенной дни,

все короче влюбленности срок.

Только Демон летит,

все летит к изголовью Тамары,

все звучит над землей

бесконечный его монолог.

Наша юность уйдет,

как уходят с проспектов трамваи,

и встречаться другим

с непохожей на нашу весной...

Остаются стихи,

остаются стихи — и я знаю:

все стихи на Земле

о тебе, о тебе об одной.

Песней поэта.

Девочка Грёза

Ах, о чем ты,
Девочка Грёза?
Что ты плачешь
И кого ты ждешь?

Жесткий ветер
Высушит слезы,
Грёз не будет,
Наступает ложь.

Песен детства
Больше не будет.
Расставанья
Наступает час.

Наступают
Новые люди.
Может, хуже,
Может, лучше нас.

Наступает
Горькая проза,
Проза тусклых
И холодных глаз.

Не нужна им
Девочка Грёза,
Посмеются
И забудут нас...

Бог судья им,
Грозам – угрозам,
Бог судья им.
Будем дальше жить.

До свиданья,
Девочка Грёза...
Постарайся
Обо мне забыть...

Влюбленная Весна

Когда мы влюблены,
Когда душа светла,
На улицах Весны
Ловлю твои слова,
На улицах Весны
Слова твои ловлю
И снова говорю:
Люблю тебя, люблю!
Прости меня, прости
За долгие дожди,
За прошлые грехи,
За смутные стихи...
Сегодня мы вдвоем.
Мы радость сберегли.
И мы с тобой поем
От имени любви.
И мы с тобой поем
От имени любви.
И мы с тобой поем
От имени любви
О том, что в отчий дом
Вернутся соловьи.
На улицах Весны
Слова твои ловлю,
И снова говорю:

Люблю тебя, люблю!
Когда мы влюблены,
Когда душа светла,
На улицах Весны
Звонят колокола.
Над музыкой любви
Не властны времена.
Безумствуй и цвети,
Влюбленная Весна!

Имя твое я шепчу, как молитву.
Только любовь обещает спасенье.
Имя твое я шепчу, как молитву.
Ты моя жизнь. Ты мое утешенье.

«Роднее родных нас нужда воспитала...»

Роднее родных нас нужда воспитала.
Нас школа Беда не гнушалась учить.
Нам с детства тепла и еды не хватало,
а что о другом говорить...

Но все ж разгорались сырые поленья,
и бледная, но наступала весна.
Я помню твой смех на большой перемене
и майские ночи без сна.

Орешник, обрызганный солнечной пылью...
На соснах промерзших вскипает смола...
Как всё это в давние дни полюбили!

И нынче мы те же, какими и были...
Ты это сумела, смогла.

Как прежде, волнуют цветение липы
и струйки дождя на вагонном стекле,
огня беспокойные алые всхлипы
и тихие блестки в золе.

И в мантии тины смешной головастик.

Капель. Под окном воробьиная рать.
Все это и было и есть наше счастье,
а новое глупо искать.

Хоть звали и нас поднебесные дали,
манил океанов жемчужный прибой,
всю жизнь мы земное тепло собирали.
Мы очень богаты с тобой.

Сквозь теплые сумерки талого снега
струится чуть тлеющих почек настой...
Ты ивою тонкой в зеленых побегах
стоишь над живою водой...

«Я земной календарь поправлю...»

Я земной календарь поправлю.
Не смогу навсегда уйти.
На кого я тебя оставлю
в этом трудном земном пути?

Никакой самой страшной силой
нас с тобою не разлучить.
Ты не скажешь другому «милый!»,
песню не пересочинить.

Слишком связаны наши души.
Слишком мы на одной волне.
Ты не скажешь другим «послушай!»,
как всегда говорила мне.

С юных лет в тесноте московской
я талантом твоим согрет,
мой найденыш в толпе бесовской,
мой звереныш.

Мой ясный свет.

Мы смогли разобраться в главном,
в круговерти нелегких дней.
Вроде, все у нас нынче славно,
только сердце болит сильнее...

Комплиментов тебе немало
сочинила твоя земля.
Но как бешено ты устала,
знаю в мире один лишь я.

Надо быть мне умней, я знаю.
Жизнь одна у нас на двоих.
Что ж я сам тебя угнетаю,
все учу привечать чужих?

Ты прости этот глупый выверт.
Наша верность сильнее невзгод.
Кто родную слезинку вытрет,
кто от бурь тебя сбережет?

И заметив тоску во взгляде,
кто тревогу твою поймет?
По головке тебя погладит,
слово ласковое шепнет?

Самых скорых карет скорее
кто на помощь к тебе придет?
Кто ладошки твои согреет,
от озноба тебя спасет?

...Мало в жизни осталось юга.
Наступает полярный час.
Не покинем с тобой друг друга,

и Господь не покинет нас.

Летнее утро

От сна отряхнувшись, березки шумят.
Склоняется ива над озером гибко.
Прекрасен июньский и день, и закат,
а летний рассвет – это Божья улыбка.

Ночная гроза над землю прошла.
Гром с молнией! Буря! Природы смятенье...
А летний рассвет —
 это нежность тепла
и тихого ветра прикосновенье.

Купается солнце в речной синеве.
Земля ожила этой призрачной ранью.
И птицы проснулись в промокшей листве.
Так звонко и радостно их щебетанье...

И день благодатен. И ночь хороша.
А летнее утро – земли вдохновенье.
И каждой травинки святая душа
поет о немислимом счастье творенья.

Так трепетны раннего солнца лучи!
Чуть скрипнет спросонья родная калитка...
У летнего утра – от счастья ключи.
Июньский рассвет – это Божья улыбка.

В июне раздолье для бурундука.
Птенцы покидают родимый скворечник.
Так коротко лето. Так жизнь коротка.
И только любовь на земле бесконечна.

Ты рядом со мной. Или где-то вдали, —
мы вместе с тобой, как с иглой нитка.
Есть женщины вамп.

Есть жрицы любви.

А ты у меня —
это Божья улыбка.

Нам не жить друг без друга

Улица моя лиственная...
Взгляды у людей пристальные...
Стать бы нам чуть-чуть искреннее —
Нам не жить друг без друга.

Скорости вокруг бешеные,
Мы себя едва сдерживаем.
Значит, надо быть бережнее —
Нам не жить друг без друга.

Мы разлучаемся со сказками...
Прошу, стань сильней меня, стань ласковой.

Слышал я слова правильные,
Всё искал пути праведные...
А твои слова памятные —
Нам не жить друг без друга.

Ленточка моя финишная!
Все пройдет, и ты примешь меня.
Примешь ты меня, нынешнего, —
Нам не жить друг без друга.

Мы разлучаемся со сказками...
Прошу, стань мудрей меня, стань ласковой.

«Премьера большого спектакля...»

Премьера большого спектакля.
Массовкой эффект достигается...
Но есть неприметная капля,
а в капле той – жизнь отражается.

И зернышко поля ржаного
в войну за победу боролось.
Зерно – существо и основа.
Колосс – этот маленький колос.

Гляжу, словно в окна вагонные,
на каждую хатку с пристрастием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.